

Алена Рычкова-Закаблуковская

Так в старом фильме

Хоронили удода

Ты помнишь, как мы хоронили удода.
Стрекозы и мошки садились на воду,
И падало солнце в утиную заводь,
Но нам не хотелось играть и плавать.
В нарядной коробке, на кукольных тряпках,
Усопшая птица скукожила лапки,
Как два кулачка, и нахохлила грудку.
Как будто удод задремал на минутку,
Пока мы копали могилу в суглинке,
Затем выстилали – травинка к травинке.
Нелепый такой ритуал человеческий
Сводил над землей наши хрупкие плечи,
И остро лопатки, как крылышки птичьи,
Светились сквозь платя. Меняя обличье,
Дрожали над заводью знойные тени,
Когда, отрясая суглинок с коленей,
Сухие былинки и прах с ягодиц,
Сквозь пух проступало на свет оперение.
Мы были похожи на маленьких птиц,
Прошедших негласный обряд посвящения.

* * *

когда в грядущем не видать ни зги
я затеваю в доме пироги
а за окном небесным мукомолом

убелены и други и враги
мерцающим снежком из-под дуги
и медленно расходятся круги
под перышком проявленного слова

брошка с лисой

эту брошку с лисой приколи по косою
словно зверь покотился с горы
а под лапой босою шелестит сухостой
вслед лисята глядят из норы
им в диковинку рыжий разреженный свет
народившийся стих ранит слух
наготове держи апельсиновый плед
чтоб скорее поймать этих двух
остроухих пока
мать-лисица несет
нам сакральную жертву свою –
златоперую птицу литые бока
и встает с ней
на самом
краю

* * *

нет слов я не ишу они приходят сами
по влажному плющу сползают со стены
и говорят со мной иными голосами
и в этот разговор опять вовлечены
и шорохи-шаги и посвисты и скрипы
и прочее чему название бог весть
услышишь ли их ты... но не о том молитва
нет не о том волшба и заклинаний взвесь

* * *

как невещественно текло с ночного неба молоко
там тучные блуждали ко твоих моих агоний

мир млечным разделен мелком на да и нет на до и по
на лед посыпанный песком и клен в земном поклоне
на дверь дверную рукоять и нас двоих в преддверии
доколе нам вот так стоять не наступать не приступить
да что там вовсе не дышать меж верой и неверием

* * *

опять игра-драматизация
демонизация героя...
но тонко светится акация
в проеме небо голубое
из подреберья в поднебесье
взлетает тихо шар лиловый
о подоконной фотосессии
мы не обмолвимся ни словом
я удержусь на грани зыбкой
а после как стрела из лука...
так в старом фильме:
стоп. улыбка.
герой протягивает руку

* * *

Наступило время (странных) птиц –
Голубых сорок и свиристелей.
– Прилетели, мама?
– Прилетели!
Время петушковой карамели.
Люди-лодки, шоркая бортами,
Соблюдают таинство границ.
Не соприкоснувшись рукавами,
Зиму коротают до весны.
Соблюдайте, милый мой, и вы...
Словно ледокол в торосах снежных,
Обогните мыс моей надежды.
И минуйте дни мои и сны.

патрициальное

вези меня китайская арба
по улочкам заснеженной провинции
тряси во мне упрямого раба
не сотрясая гордого патриция
сквозь пелену привидится ему
стекло реки глазковское предместье
и если где-то существует крит
то это в параллельной фотосессии
узбекский мальчик не сочти за труд
уйми динамик
царственный и бледный
патриций принял холода цыкут
и дремлет

* * *

Время маленьких Будд, созревающих тут,
Непременно приходит с дарами.
Вдоль примятой тропы шевеление груд,
Поспевания томное пламя.
Под навес уложи желтокожий отряд –
Обнаженные маковки лука.
Этот древний и скорбный семейный уклад,
Эта горькая бабья наука
Тонкой складочкой лягут у бледного рта,
Острой линией врежутся в руку.
Отворяй погребца, как святые врата,
Засыпай свою смертную муку,
Словно на зиму хочешь избавить от пут
Эти хрупкие длинные ветви.
Август время надежд, вызревающих Будд,
Время душ, обретающих ветер.

Иркутск